

Дети войны — поколение Победителей!

Уважаемые жители города Москвы!

Общероссийская общественная организация «Дети войны», объединяющая граждан 1928 — 1945 гг. рождения, чье детство пришлось на тяжёлые годы Великой Отечественной войны, призывает вас в свои ряды!

Общественная организация зарегистрирована в Министерстве юстиции РФ в 2012 году.

Одним из основных направлений действий нашей организации является обращение к органам власти требование о принятии федерального и московского городского законов «О детях войны». В этих законах должны быть установлены дополнительные меры государственной материальной, моральной и правовой поддержки «детей войны».

Во многих регионах России благодаря энергичной деятельности местных отделений организации «Дети войны» подобные законы уже приняты.

При вступлении в нашу организацию её членам вручается удостоверение установленного образца.

Наш телефон:

8(962)999-41-48 (в рабочие дни с 15.00 до 18.00).

Московское городское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Дети войны».

«Война не выходит у меня из памяти»

В день, когда началась война, Марине Григорьевне Якубчик исполнилось четыре года. Но она точно помнит все события того времени — они не выходят у нее из памяти. Вот что она рассказывает о войне и нелегкой послевоенной жизни:

«Я родилась в деревне Марково в Смоленской области. Большая деревня — дворов сто. Всех мужчин забрали в армию еще в мае. Мой отец был убит под Минском при отступлении: немцы взяли его в плен и заставили самому копать себе могилу. Там же погибли почти все его односельчане.

Немцы пришли к нам в июле. Деревня оказалась прямо на линии фронта и переходила из рук в руки. Нас никуда не выселяли: в наших домах жили то немцы, то наши солдаты. Во время одного из отступлений фашисты сожгли деревню, и нам пришлось ютиться в землянках и прятаться в окопах.

Если наши отступали, к окопам подходили немцы, рыжие, высокие, с автоматами наперевес, и заставляли нас вылезать под прицелом, поторапливали криками: «Schnell, schnell!». Они искали тех, кого можно отправить в Германию на работы — молоденьких ребят пятнадцати-шестнадцати лет. Бить не били — иначе мы бы не выжили, и даже предупреждали о приходе карателей. Солдаты этих частей убивали всех подряд, подозревая в связи с партизанами, — даже детей.

Как сейчас помню: когда кончается бой, наступает невероятная тишина. Выглядываешь из-под земли — все поле усыпано убитыми, ни живой души. Это самое яркое и гнетущее воспоминание о войне. Моя мама и другие женщины закапывали погибших, присыпали землей. Еще им приходилось оттащить нераззорвавшиеся снаряды от деревни, чтобы они не убили кого-нибудь из нас.

Я даже не знаю, как мне и моей младшей сестре, которой в 1941 году было полтора года, удалось выжить. До сих пор задаю себе этот вопрос. Постоянные бомбежки, летящие с неба снаряды, есть нечего, вечный голод — нас только солдаты подкармливали. Ночевать в деревне жутко, уходили в лес, спали в стогах сена даже зимой.

Все четыре года мы выживали на линии фронта, в землянках, под бомбежками и обстрелами. Спокойней стало только к концу войны, зимой 1944 года, когда нас вывезли в деревню Петрово. Тогда я впервые за несколько лет почувствовала тишину: там не было пушек и не было войны. Нас поселили в дома, привозили продукты, и местные жители относились к нам заботливо и ласково. Мне очень хочется съездить и навестить приютившую нас семью, но в одиночку на такую поездку не решусь.

Когда 9 мая объявили, что закончилась война, радости не было предела — люди даже плясали на улице от счастья. А потом нас увезли на машинах обратно в Марково. Мимо нашей деревни вели пленных немцев.

Они шли, понурив головы, а мы стояли, смотрели и радовались, что все закончилось, и они уже не смогут причинить нам зла.

Вернулись на родину, а там — пустое поле, ничего нет. Выкопали общую землянку на всю деревню и жили в ней. Те, у кого была возможность, строились и съезжали, и постепенно все переселились в домишки.

Война уничтожила наших мужчин. У меня погибли отец и два дяди. Мой дедушка, вернувшись с войны с ранением, построил для нашей семьи хибару 3 на 4 метра и вскоре умер. Кроме него с фронта из нашей деревни вернулись лишь двое мужчин: один без руки, другой без ноги. Почти все мальчишки подорвались на снарядах: уйдет парень гулять в лес, а вечером вернется без руки...

Первые месяцы ели траву и пекли из нее лепешки; спали в лесу: собирали малину, чернику, клюкву, бруснику. Больше есть было нечего. Потом посадили картошку на своем огороде, ей одной и питались. Впервые я увидела хлеб в 1950 году.

Когда подошло время учиться, я начала ходить в школу — ее построили в нашей деревне первой, раньше жилых домов и административных зданий. Учиться нравилось, но я ощущала постоянную усталость. От дома до школы было около полутора километров, и в пути я постоянно останавливалась, чтобы отдохнуть — сил не хватало. И все мои одноклассники такие — тощие и измотанные. Одежды и обуви не было, до седьмого класса ходила на занятия в лаптях и в старой телогрейке.

Окончив школу, я в 1954 переехала в Москву, поступила в ФЗО № 30, где за полгода выучилась на маляра. Устроилась на работу по этой профессии и пошла в техникум — учиться на экономиста. Трудиться надо было много, чтобы чего-то достичь. Работать и посещать занятия по вечерам в чужом городе, без родных и чьей-либо помощи было очень тяжело. Но я успешно закончила учебу и устроилась экономистом в строительную организацию.

Жизнь сложилась хорошо: я получила высшее инженерно-экономическое образование, занимала руководящие должности, заработала себе квартиру, создала семью — сейчас меня поддерживают дочь и внук. У сестры тоже все устроилось — она живет в Смоленске, у нее двое детей.

Цена победы

Галина Смирнова

Какой ценой досталась нам Победа?!

Здесь полегли отцы наши и деды,

Сиротами остались сыновья...

Но выросли давно и ты, и я,

И наши дети взрослыми уж стали,

Но не о том отцы наши мечтали,

Они желали счастья для потомства,

Чтоб трудности не заслонили солнце.

А что сейчас мы видим, в самом деле?

Детей наших так много не у дела:

Ведь безработица в стране гуляет,

А кто-то на Канарах отдыхает...

Страною правит олигархов кучка,

А остальные - с голоду пусть пухнут,

Страну всю по кусочкам разобрали,

Заводы наши все позакрывали,

А фабрики продали иностранцам.

Откуда же доходам нашим взяться?

Товары все везут из-за границы,

И покупаем все, вплоть до пшеницы.

А ведь когда-то мощными мы были,

И на полях колхозных все растили,

Теперь колхозы наши разогнали,

И нищими крестьяне наши стали.

А в городе все цены повышают,

Ну а зарплату, наоборот, снижают.

За это ли отцы и деды бились?!

Вот до чего теперь мы докатились.

Молодежи мало известно о войне. Знает она, конечно, отдельные факты, но совершенно не представляет, как это было. Нужно больше об этом рассказывать — снимать фильмы, писать книжки. И правительство никак не заботится о детях войны. Словно и знать о нас не хочет, хотя нас осталось очень мало. Я уже не говорю о материальной помощи, но пусть государство хотя бы как-то обратит на нас внимание.

Наша деревня пришла в запустенье: там ничего не осталось, все уехали оттуда еще в 60-е годы. Время от времени езжу туда, чтобы навестить на кладбище маму. Хожу по местам, где более семидесяти лет назад пряталась в окопах, вижу воронки от снарядов и переживаю все заново. Войну я не забуду никогда.

Мария Михалёва

Живопись Льва Ивановича Климанова (поколение «детей войны»)

